

те шивалом овец наградили Нью-Йоркский Государственный академический симфонический оркестр СССР под управлением народного артиста СССР Евгения Светланова. Гастрольная поездка по Канаде и Соединенным Штатам завершилась концертом в зале «Эвери Фишер-холл» нью-йоркского Линкольн-центра. Перед началом у его дверей выросли огромные рукава-очереди. И не только потому, что заране были распроданы все билеты на выступление «оркестра виртуозов», как называют его в Нью-Йорке. Полиция под началом возглавлявшего обеспечение безопасности шефа оперативного управления нью-йоркской полиции пришлось принять экстраординарные меры безопасности. У входа тщательно проверяли не только билеты, но и дамские сумочки, металлические предметы. Опасались очередной провокации. Основания для того были. Еще утром у входа в зал хулиганствующие подонки из «Лиги защиты евреев» подожгли канистры с воспламеняющейся жидкостью. Весь день раздавались угрозы в адрес артистов.

Однако сорвать подлинный праздник музыки, праздник возрождающегося советско-американского культурного сотрудничества не удалось. «Рады ли нью-йоркские ценители музыки встрече с советскими виртуозами? — переспрашивает

си-зм артист» Ли Ламон. А разве не достаточный ответ на этот вопрос — счастливые лица людей, их овации? Одиноким гостям провокации. Но тысячи приходят наслаждаться искусством. В Америке любят и ждут советских мастеров.

«Абсолютно убежден в том, что прокси отделились негодяе, которые за мзду, порой не ведаю, что творят, продают себя в угоду тем узким кругам, кому не по нраву восстановление культурных связей между нашими странами, это — хвосты прошлого», — сказал народный артист СССР Е. Светланов. — В нашей стране ничего подобного, конечно, никогда не могло произойти с артистами из любой страны, из любой части света. Но то же самое можно сказать и об абсолютном большинстве американских публики, с которой мы встретились после семилетнего перерыва. Здесь умеют ценить искусство, любят и знают музыку».

Во время поездки по Северной Америке Государственный академический симфонический оркестр СССР встретил свое 50-летие. Родина отметила юбилей оркестра орденом Трудового Красного Знамени. А аплодисменты по случаю высокой награды звучали в Вашингтоне, Филадельфии, Нью-Йорке.

В. ЧЕРНЫШОВ,
корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»
Нью-Йорк.

ним-иммигрантам в лучшем случае брезентовые кофты без ошейника и простыней. Незачем им — иммигрантам. Их не считают людьми ни в «демократической» Америке, ни в других странах капитала.

Фото из журнала «Гео» (ФРГ).

Нобелевская премия африканскому писателю
СТОКГОЛЬМ

Шведская академия присудила Нобелевскую премию по литературе за 1986 год писателю и драматургу Воле Шойинке (Нигерия). В. Шойинка «раскрывает жизненные драмы в широком культурном аспекте и с поэтической точностью», отмечается в сообщении академии о новом лауреате. Нигерийский писатель, указывают печать, — первый представитель Африки, удостоенный высшей шведской литературной награды.

ЛАГОС

Решение Шведской академии широко комментируется в Нигерии. В. Шойинка, который родился 13 июля 1934 года в Абеокуте, за последние десятилетия стал одним из наиболее видных писателей Африки.

Газеты приводят слова лауреата, сказавшего, что он рассматривает присуждение ему премии как награду всей

африканской литературе. «Я ни на минуту не думаю, что эта награда предназначена только мне», — отметил он. — Это — награда тому, что я представляю. Я — часть общей литературной традиции Африки». Вест о награде застала писателя во Франции, где он участвовал в качестве президента Международного института театра во встрече деятелей культуры.

Президент Нигерии Ибрагим Бабангида награждал писателя орденом за его вклад в развитие национальной литературы. В приветственном послании он отметил, что в течение многих лет произведения В. Шойинки являются барометром социального сознания нигерийской нации. Присуждение премии нигерийскому писателю, подчеркнул глава государства, принесло радость и удовлетворение не только каждому нигерийцу, но всем африканским народам и людям с черным цветом кожи, где бы они ни проживали.

Вдобавок выяснилось, что Прокорливый нечист на руку (следовало бы сообразно обстоятельствам сказать — на лапу). Пользуясь благосклонностью взяточников-заказчиков, «Бонинги» и «Рокуэллы» встали правительству свою продукцию по ценам, которые иначе, чем фантастическими, не назовешь. Простой болт шел по 300—400 долларов за штуку, причем это еще без гайки... Зато военный бюджет рос как на дрожжах, разбухая из года в год.

«Вот собаки!» — только и могли произнести члены ведомственной комиссии, расследовавшей этот грабеж среди бела дня, но трудно сказать, чего было больше в этом восклицании — негодования или восхищения. Ведь спрашивать, как ты добывал деньги, в Соединенных Штатах непозволительно плохой тон, а если ты добыв

или вынуть из нее трофеи глазами? Победа бешеного милитаристского ажиотажа? Или, если верить газете «Нью-Йорк таймс», результат «идеалистической мечтательности» президента, который «настолько сильно привязывается к некоторым видениям (газета имеет в виду видения «звездных войн» — Гр. О.), что никак не в состоянии поколебать его... Рейкьявик был сорван из-за этой мечты».

Где же истина?

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на послереволюционное поведение Прокорливого. Чудовищно-пес довольно урчит, перерабатывая проглоченное и предавая коварные пышные трапезы. «Никто не знает, — меланхолически констатирует в эти дни «Атланта конституишн», — во сколько точно обойдется развертывание запланированной администрации Рейгана космической системы... Однако уже очевидно, что счет будет идти не на десятки, а на сотни миллиардов долларов... А стоимость всей системы, по некоторым оценкам, достигнет триллиона долларов».

Вот в этих мешках, набитых золотыми слитками, и зарыта собака.

Григорий ОГАНОВ,
политический обозреватель
«Советской культуры».

В шесть лет он впервые сел к роялю, в четырнадцать написал оперу, в пятнадцать стал человеком-легендой.

Два коротких лестничных марша вверх, и тут, на площадке перед дверями квартиры, предупреждение, что ее хозяйка молочно и не застать — бронзовая табличка извещает: профессор принимает по вторникам, средам и субботам с 15 до 16 часов. Впрочем, гость все равно выпустят, укажут на вазочку для визитных карточек: «Оставьте и свою!» Пригласят в комнату, скажут с сожалением: — Он уехал... И пока вы будете вспоминать: ну конечно же, он всю жизнь странствовал от Парижа до Константинополя, от Лондона до Москвы, от Лиссабона до Петербурга! — добавят, завершая паузу: — ...сто лет назад.

О цели визита говорить не обязательно — Мария Эхзард, домохозяйка (назовем по-тогдашнему директором музея), знает, зачем вы пришли. Знает: вы готовы ждать. Нет, не возращения владельца этого скромного даже по нынешним меркам жилища, но момента, когда почувствуете: то, ради чего вы здесь, свершилось! И берется помочь.

— Ференц Лист родился 22 октября 1811 года, — начинает

она, а вы, опережая рассказ, вглядываетесь в портрет худенького, но-взрослому одетого во фрак мальчугана, посвященного к роялю Адамом Листом — отцом, уверовавшим в талант сына. Эта вера была столь велика, что Адам бросил службу при графском дворе, распродал имущество и ринулся с мальчиком в Вену, к лучшим, полагал он, учителям — Антонио Сальери и Карлу Черни. Прошедшее затем заставляет думать, что будущей славы своей Ференц Лист обязан не только природному дару, но и сдержанности, такту наставников, потому что увидел оник болезненного ребенка, который играл совершенно против правил, о технике пальцев имел самое смутное представление и вдобавок так раскачивался и извивался на стуле, будто более всего хотел удивить неприменным падением на пол.

От первой литографии до последней фотографии — недолгий путь по музею, открытому месяц назад в бывшей служебной квартире основателя и президента Будапештской музыкальной академии. Он вселился сюда на склоне лет, хотя и увенчанным седной, но по-прежнему юношески стройным, с немудреным багажом, поневоле накопленным в скитаниях по Европе. И тесно в квартире не от мебели — от того, что было его жизнью: от портретов родных и друзей, прочитанных книг, нотных тет-

радей, музыкальных инструментов, приобретенных и подаренных. Один из мастеров прислал пианино, где струны заменены стеклянными пластинками; другой в общем корпусе совместил пианино и фисгармонию; третий презентовал вроде бы обычный для той поры двухтумбовый письменный стол, являющийся в действительности роялем.

Да, маэстро Лист понимал толк в инструментах, ведь он работал на них ежедневно, сочиняя романсы на стихи Петrarки и Гёте, Гейне и Шиллера, создавая симфонию к «Божественной комедии», перелаживая произведения Глинки и Паганини, импровизируя на темы творений Шопена и Россини... — Обратите внимание на эти две выделенные строки: «Фортепиано, на котором будет играть г. ЛИСТ, работы г. Ликтеншала, в С.-Петербурге», — говорит директор музея, достав из витрины афишу 1843 года на русском языке. Афиша объявляет, что «На Малом театре, в среду, 12 мая, г-н Ф. ЛИСТ будет иметь честь дать последний концерт». Времени спуска она станет экспонатом выставки, повторяющей название только что изданной в Будапеште книги Ж. Ласло

радей, музыкальных инструментов, приобретенных и подаренных. Один из мастеров прислал пианино, где струны заменены стеклянными пластинками; другой в общем корпусе совместил пианино и фисгармонию; третий презентовал вроде бы обычный для той поры двухтумбовый письменный стол, являющийся в действительности роялем.

Да, маэстро Лист понимал толк в инструментах, ведь он работал на них ежедневно, сочиняя романсы на стихи Петrarки и Гёте, Гейне и Шиллера, создавая симфонию к «Божественной комедии», перелаживая произведения Глинки и Паганини, импровизируя на темы творений Шопена и Россини... — Обратите внимание на эти две выделенные строки: «Фортепиано, на котором будет играть г. ЛИСТ, работы г. Ликтеншала, в С.-Петербурге», — говорит директор музея, достав из витрины афишу 1843 года на русском языке. Афиша объявляет, что «На Малом театре, в среду, 12 мая, г-н Ф. ЛИСТ будет иметь честь дать последний концерт». Времени спуска она станет экспонатом выставки, повторяющей название только что изданной в Будапеште книги Ж. Ласло

похитить у него манеры исполнения моих собственных этюдов! «Никогда ранее мы не слышали ничего подобного», — сообщил композитор и критик А. Н. Серов, — никогда не встречались с такой гениальной, страстной и одновременно демонической натурой...»

Его окрестили бальзамом судьбы, фаворитом фортуны, а он был чернокопым музыкантом. Как-то в Веймаре, где был он назначен главным дирижером театра, попробовал подыграть, чем занимался на минувшей неделе. Вел переговоры о фонде Гёте, формировал оркестр, заключал контракты с музыкантами, приобретал инструменты, репетировал «Лоэнгрина» и «Фауст», готовился к репетициям опер «Фиделио» и «Роберт-Дьявол». Дал два концерта, на вторник намерен третий. Кроме того, три или четыре урока. Нужно еще послать издателью две рукописи, которые прежде должен просмотреть, переписать начисто «Поэтическую гармонию» и закончить оркестровую обработку «Фантазии до мажора» Шуберта, выправить гранки «Первой венгерской рапсодии» и т. д., и т. п. Рядовая неделя тех лет, когда вдохновением Листа рождались знаменитые

его симфонии «Фауст» и «Данте», концерты для фортепиано с оркестром.

Мария Эхзард извлекла этот перечень из письма Листа близкому другу и читала вслух, так уж случилось, близ картины кисти В. Каульбаха, запечатлевшей главного дирижера Веймарского театра. Портрет был парадным, торжественным, в три четверти, но, странное совпадение, Лист на нем словно старался вспомнить, что же еще он не успел сделать на прошлой неделе.

Десятки таких писем хранятся в музее, и лишь в одном, взятом наугад, — жалоба на огромную усталость и немедленную потребность в отдыхе. Одержимость работой была естественным состоянием Листа, натурой принадлежавшего к тем немногим, у кого для каждой минуты обязательно находилось дело. Некоторые исследователи утверждают, что дангала им ревностная забота о своей славе пианиста-виртуоза, другие же предполагают, будто именно эта слава обидно ранила Листа-композитора, и он с яростной отчаянностью отдавался сочинительству. Не принимая ни смелых, ни робких гипотез, примем, как факт, достоверное: накануне юбилея

венгерское предприятие «Хунгаротон» выпустило в свет серию из трех пластинок «Неизвестный Лист» с записью произведений, неопубликованных при жизни автора. Может, он не был настоящим в поиске издателя, считая, что в его зрелом возрасте такая настойчивость унизительна!

В молодые годы все было проще и легче. Планируя, например, по улицам Рима, натолкнувшись на вывеску «Рикорди» и тотчас спросил себя: а почему бы и не продать кое-что этому крупнейшему в Европе музыкальному издателю? Но вот загвоздка, Рикорди недоступен, проникнуть к солидному, отягощенному важными заботами Рикорди чертовски сложно, почти невозможно. Мгновенно созревает план: сметая прислугу, стремительно ворваться в кабинет, ошеломить своим появлением и, не произнося ни слова, — к роялю; вот вам, сеньор, мое рекомендательное письмо! Моя игра, моя импровизация.

Удивительно, но план сработал. Хозяин оторопел и, оказавшись в плену — слушал, слушал с явно нарастающим удовольствием, потом пришел к себе и попытался избавиться от нежданного гостя: «Позвольте, я голоден, у меня стынет обед». Напрасно! Гость словно бы не замечал его. Рикорди капризно топнул, выбежал вон и сразу же вернулся, жуящим. И опять слушал.

Через пять минут он предложил заключить контракт: «Меня не проведешь, господин Лист, я узнал вас!».

Подобные натиски были, пожалуй, нечастым молодецким озорством, и здесь, в музее, вспоминаются они с улыбкой. Здесь это наиболее уместно, потому что на юбилейном праздничном концерте в Будапеште, как и при открытии нового памятника на площади Ференца Листа в столице Венгрии, и на международном симпозиуме, посвященном 175-летию, говорилось о Листе-исполнителе, Листе-композиторе, Листе-педагоге, Листе-патристе... И правильно. Но всякий, кто покидает музей-квартиру, уносит в сердце своего Листа, сотворенного воображением, для которого порой достаточно пряди волос в медальоне, росчерка пера на книжной странице и даже широким шпатель, нарочно небрежно брошенной на полку. Потому-то посетители, нетерпеливо преодолевавшие лестницу вверх, спускаются к выходу медленно, прощально оглянувшись на табличку «Профессор принимает по...».

Он принял, они встретились с ним.

В. СВИРИН,
спец. корр. «Советской культуры».

БУДАПЕШТ.

1988

ВО ИМЯ МИРА

Абелардо Кастильо,
писатель и общественный деятель,
лауреат литературной премии ЮНЕСКО (Аргентина):

— Встреча в Рейкьявике, завершившаяся заключением договоренностей на основе комплекса предложений, выданных советской стороной, могла бы стать исторической вехой в советско-американских отношениях. Она могла бы стать и поворотным пунктом современной истории в сторону существенного оздоровления международного климата, стабильного и прочного мира. По вине американской стороны этого не произошло.

У Советского Союза хватило мужества, доброй воли и здравого смысла, чтобы пойти на беспрецедентные, радикальнейшие предложения в обла-

сти сокращения стратегических ядерных вооружений, которые — и мы все это видели — содержали в себе немалые уступки американской стороне. Но администрация Белого дома, тесно добивающаяся военного превосходства над СССР, в очередной раз не захотела пойти навстречу партнерам по переговорам. Для того, чтобы прийти к важнейшему соглашению в области разоружения, американской делегации не хватило ни доброй воли, ни ответственности, ни просто решительности.

В последнее время целый ряд конструктивных внешнеполитических шагов СССР при-

звлек мое внимание. Во-первых, это остающийся в силе односторонний советский мораторий на ядерные испытания. Во-вторых, принятое перед лицом всего мира решение советского руководства вернуть в Афганистане на Родину Советский Союз стремится любой ценой смягчить международную обстановку.

Повторю, сегодня добрая воля должна исходить от обеих сторон. Конкретные же факты говорят о том, что в последнее время большинство мирных предложений исходило именно от СССР. Для того, чтобы прийти к такому выводу, не нужно быть дотошным политиком, достаточно быть просто объективным человеком.

На пресс-конференции в Рейкьявике, которую я хочу назвать выдающейся по своему внутреннему накалу, драматизму, М. С. Горбачев продемонстрировал свое блестящее умение общаться с журналистами — это обстоятельство я просто не могу не отметить. Советский руководитель выразил свою глубокую обеспокоенность дальнейшими судьбами мира. Настало время действия! — неоднократно подчеркивал он. Взвешенные, ответственные шаги в сторону разоружения потребуются и от американской стороны. Хватит слов, «мир устал, миру надоела болтовня», как выразился М. С. Горбачев. Нужны конкретные дела. Во имя выживания человечества.
БУЭНОС-АЙРЕС.

ВЕЧНО голодный, фантастически прожорливый (он никогда не способен насытиться вдоволь), гибридной породы пес по прозвищу «Военно-промышленный комплекс» внезапно выскочил из калифорнийско-техасских подворотен, где он скрывался, затанцевавший от нескромных взоров, и, прижав уши и роная пену, помчался во весь опор. Его ждали вашигтонские джунгли, именуемые иногда коридорами власти, где ему предстояла приятнейшая процедура: вонзить свои желтые клыки в колышущуюся листву федерального бюджета, набитого долларами, как рождественский поросенок кашей.

На этот раз аппетит зверя был даже не собачий — волчий. Он нагулял его между делом, предавшись волнующим мечтам о пестрых жирных кусках, которые должны ему «отпалиться» в соответствии с капитулянтской щедростью конгрессменов, облизанных со всех сторон лоббистами — агентами и помощниками Прожорливого и утвердивших на днях гигантский, почти что трехсотмиллиардный бюджет Пентагона.

О появлении в окрестностях Вашингтона, округ Колумбия, баскервильской собаки военно-промышленного комплекса, о ее людоедских наклонностях говорил еще президент Эйзенхауэр. Видевший виды генерал, командовавший англо-американскими войсками, высадившимися в Европе в 1944 году, под конец жизни убоился кляксы Прожорливого и стал необходимым предупредить о надвигающейся опасности соотечественников.

Дошел ли этот сигнал из относительно не очень далекого прошлого (рубеж 50-х — 60-х годов) до сорокового президента Соединенных Штатов?

Если рассуждать по законам логики, то должен был дойти. И к нему следовало бы прислушаться. Не просто из уважения к опыту и прощательности генерала, крупного и осторожного политика, не любящего спорить с подлинными хозяевами Соединенных Штатов. А и потому, что свидетельства о все возрастающем и все более зловещем влиянии военно-промышленного комплекса на государственный аппарат, на внутреннюю и внешнюю политику США, таких свидетельств становилось с каждым годом все больше.

Менялись президентства, в Белом доме подворалясь демократическая, то республиканская администрация, уже с трудом припоминаются фамилии джонсоновских или картеровских министров, а в серьезных, объемистых отчет-

большие деньги — неважно как! — ты герой, образец для подражания.

Ну, а желающих «делать» деньги в США — хоть отбавляй. В том числе и среди высших чинов. Вот почему в Вашингтоне упорно говорят, что агентами-лоббистами военно-промышленного комплекса буквально кишат и Капитолий, и Белый дом. Люди, по-собачьи преданные всемогущему комплексу, приходят в аппарат вашигтонской администрации, а потом уходят из него прямехонько в те самые корпорации, которым только что верой-правдой (или неправдой?) служили, нахо-

тельно хорошо, пока не стало известно о встрече советского и американского лидеров в Рейкьявике. Собачий нюх военно-промышленного комплекса просигналил однозначно: «Опасности!»

Как бы сейчас, после драматических событий на переговорах и особняке «Хевди», ни изобрелась американская пресса в домыслах о том, знали или не знали в Вашингтоне, какая будет в Рейкьявике повестка дня, инстинкты не подвели Прожорливого. Зверь правильно учуял, что дело может пойти о договоренностях по вопросам ограничения, сокраще-

США показала, что можно, вполне реально выйти на соглашения, которые положили бы начало ликвидации ядерного оружия, устранению наисшей над человечеством роковой опасности, еще до того, как встреча началась, в Соединенных Штатах была развязана грязная, провокационная кампания по срыву этой встречи. Из всех анти-советских подворотен выплеснулась на мир волна дикого воя.

Стремясь во что бы то ни стало воспрепятствовать достижению позитивных результатов на встрече, которую невозможно было уже

ПАМФЛЕТ

Из ВСЕХ ПОДВОРОТЕН...

дась на правительственной службе. И получают при этом свою кость за усердие: оклады, превышающие правительственные в несколько раз.

Прибавьте сюда сказочку о всеобщем якобы процветании на ниве расцвета военной промышленности. Дескать, без этого и безработных было бы куда больше, и заработки значительно ниже. Так что да здравствуют «звездные войны» и вообще любая самая безумная идея довооружения, перевооружения или сверхвооружения, лишь бы заказы были пообъемистее!

Эти обстоятельства многое объясняют в американской политической ситуации. В том числе и те «собачьи бег», которые устраивают корпорации и монополии в погоне за баснословно выгодными проектами Пентагона. Надо ли говорить, что по-настоящему влиятельнейший в Вашингтоне лоббист и друг военно-промышленного комплекса — сам президент, то льстивую долю заказов на срочное изготовление новейших (а значит, все более дорогостоящих) орудий массового убийства получают близкие сердцу бывшего калифорнийского губернатора компании этого юго-западного штата.

Конгресс, правда, для виду слегка собачится, утверждая астрономические цифры военных ассигнований, но, подомавшись «для приличия», соглашается в конце концов на все требования Пентагона.

Видимо, не случайно заместитель государственного секретаря США М. Ариакос, выступая в программе Эй-би-си накануне встречи в Рейкьявике, сказал, что кое-кто в США «отреагировал на объявление о предстоящей встрече Горбачев — Рейган в паническом и неумеренном духе».

Да, паника была превеликая. Еще бы! На горизонте замаячила возможность достичь соглашения по самому главному вопросу современности и освободить планету от гигантских завалов ядерного и другого оружия массового уничтожения людей. Реальность такого исторического поворота была заложена еще в советском Заявлении от 15 января нынешнего года. Сколько-нибудь вразумительного ответа по существу высказанных в нем идей мы не получили, и на переговорах в Женеве возникла тупиковая ситуация. А в Рейкьявике мы предложили президенту пакет крупномасштабных предложений, в которых были компромиссно учтены позиции американской стороны. Это не на шутку встревожило прожорливых всех мастей — от ультраконсервативных «морального большинства» до боссов ракетно-ядерной промышленности.

Но еще до того, как встреча Генерального секретаря

отменить, мобилизованные и призванные американской реакцией «специалисты» не пощадили самого президента. В числе этих экспертов оказались такие политические зубры, как бывший государственный секретарь Генри Киссинджер, бывший помощник президента по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, бывший соискатель президентского кресла Барри Голдуотер, и другие «почтенные мужики».

Они коллективно разработали и пустили гулять по свету байку о том, что «русские вырыли в Рейкьявике полую яму» и что «доверчивый президент попал в ловушку». И доказывали эту свою эпитетическую чушь рассуждениями о невыгодности для США какого бы то ни было соглашения с Кремлем. А одна мажорно «солидная» газета договорилась даже до того, что призвала объявить президента «предателем», если он «пойдет с русскими на сделку» за счет программы милитаризации космического пространства.

И некому было сделать ученым экспертам и невежественным борзописцам срочные прививки от бешенства. И некому остановить извращенную прессой и телевидением ультрапатристическую эйфорию, цель которой — выдать «нет!» президенту, сорвавшему наметившуюся беспрецедентную договоренность в Рейкьявике, за проваление «государственной мудрости» и чуть ли не

ОВАЦИИ И ПРОВОКАЦИИ

МЕКСИКАНЦЫ В АМЕРИКЕ

Нет, это отнюдь не новое название фильма, повествующего о приключениях туристов или искателей кладов... Хотя многие, зафиксированные камерой репортера на снимке, приехали в Соединенные Штаты именно за заработком. И получили то,

Ночлежники — явление обычное для США. Эта — в Лос-Анджелесе, городе-миллионере, пристанище многих выходцев из соседней Мексики. Люди здесь спят таинливо и несложным сном. Кто от непосильной работы за госсловную оплату, а

На снимке — более поздний, известный в Америке кадр...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1986

Четверг, 23 октября

№ 127 (6227)

ВЫХОДИТ ПО ВТОРНИКАМ,
ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ
Цена 6 коп.

Газета
Центрального Комитета
КПСС

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

БЕЗ НАДЕЖДЫ ЖИЗНИ НЕТ!

Сергей Бондарчук,

кинорежиссер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда

В столице Исландии могли состояться соглашения, самые важные для судеб человечества за всю его послевоенную историю. Возможны были договоренности о сокращении наполовину всей триады стратегических вооружений, о полной ликвидации американских и советских ракет среднего радиуса действия в Европе: было вполне реально достижение согласия на переговоры о запрещении ядерных испытаний под землей, о сокращении ядерного потенциала в Азии.

Какая возможность предоставлялась планете, где угроза ядерной катастрофы нависла над самой жизнью, планете, истерзанной войнами, ненавистью, страданиями! Планете, на которой ежедневно от голода умирают десятки тысяч детей, на которой, согласно официальной статистике, насчитывается 800 миллионов неграмотных. Для того чтобы к концу нашего века ликвидировать неграмотность, потребовалось бы 1,2 миллиарда долларов. Это меньше, чем военные расходы в мире за один день. Можно было бы привести еще известные цифры — сотни миллионов долларов, которые США тратят на разработку «звездных войн», огромные цифры людских и материальных ресурсов, бесполезно сгорающих в гонимой вооружений...

Это печальная статистика. Она могла бы начать изменяться после Рейкьявика. Увы, не случилось. Не по нашей вине. Это знает весь мир. Опасные «космические» амбиции, за которыми стоит военно-промышленный комплекс США, нежелание руководства этой страны осознать новую политическую реальность завели переговоры в тупик.

Думаю, здесь уместно привести строки из манифеста Рассела — Эйнштейна. Тридцать лет назад выдающиеся ученые обратились с этим документом к мировой общественности. Вот эти строки: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны спрашивать

Еще в 1816 году Байрон в поэме «Тыма» ужасался сну, в котором провидел нынешнюю угрозу, нависшую над планетой: «Лидистая земля носилась слепо в воздухе бездумно...» Разве не об этом — страшный прогноз ученых: если бы разразилась ядерная война на земле, наступили бы вечные сумерки вечной зимы. Поэму-предостережение великого английского поэта перевел на русский Иван Сергеевич Тургенев. Это и есть, в моем разумении, общечеловеческая духовная эстафета художников — вне границ и предубеждений. А какой прекрасный пример сотрудничества — совместный космический полет «Союз — Аполлон». Разве не разумнее, не человечнее — звездный мир, а не «звездные войны»?

Я несколько раз бывал в Соединенных Штатах: от одной из поездок, кажется, середины 50-х, сохранилась фотография. На ней — американцы: глава департамента кино в Вашингтоне Эрик Джонстон, его супруга, рядом с ней популярная тогда у нас кинозвезда, запомнил имя. А из наших — Элина Авраамовна Быстрицкая, Николай Константинович Черкасов, Василий Васильевич Меркурьев и наш покорный, тогда еще молодой, слуга. Я часто смотрю на эту фотографию, вспоминаю те встречи. Джонстон закупил тогда около 50 наших фильмов, мы приобрели американские. Мы разговаривали, спорили, не во всем сходились... Но в главном были единодушны: сотрудничество, мир куда лучше, чем конфронтация. Потом всякие ветры проносились между нашими странами — и теплые, и ледяные...

В те годы встречался я в Лос-Анджелесе и с Рональдом Рейганом — он возглавлял объединенную режиссерско-актерскую гильдию. Тогда мы все больше говорили о кино. Сегодня я хочу обратиться к президенту, к политическому деятелю, от решения кото-

Деятели советской культуры! Полнее удовлетворяйте растущие духовные запросы трудящихся! Создавайте произведения, достойные социалистической эпохи!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС

ЕДИНАЯ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ

На сорока девяти языках создается многонациональная российская литература. Проблемы ее идейно-художественного развития обсуждены на пленуме правления Союза писателей РСФСР, который состоялся 22 октября в Москве.

Председатель правления С. Михалков, открывший пленум, другие выступавшие сосредоточили внимание на задачах писательских организаций, вытекающих из решений XXVII съезда партии. Подчеркивалось, что необходимо праздновать и глубоко показывать реальную борьбу за достижение нового качественного состояния советского общества. Долг художников слова — создать положительный образ нашего современника — патриота, интернационалиста, носителя передового мышления,

борющегося за ускорение социально-экономического развития страны.

Отмечалось, что высокий авторитет российской литературы требует от писателей решительного преодоления застойных явлений в творчестве, искоренения серости, ремесленничества, которые все еще делают себя знать в прозе и поэзии, драматургии и критике. Пристальное внимание обращено на воспитание молодой смены, ее активное участие в литературном процессе.

Пленум принял решение провести выездное заседание секретариата правления СП РСФСР, на котором будут обсуждены проблемы развития многонациональных литератур Сибири и Дальнего Востока.

(ТАСС).

УНИВЕРСИТЕТ ДЛЯ МАСТЕРОВ ИСКУССТВ

22 октября в Министерстве культуры СССР состоялось открытие нового учебного года в университете общественно-политических и эстетических знаний для ведущих мастеров искусства и культуры Москвы. Программа его двухгодичного цикла обучения направлена на дальнейшее улучшение мировоззренческой подготовки художественной интеллигенции столицы, укрепление ее связей с практикой коммунистического строительства, более полное участие в преобразовании и развитии культуры.

чительно обновлен состав слушателей университета, к занятиям широко привлечена творческая молодежь.

На занятиях отмечалось, что советская художественная интеллигенция, следуя политическим урокам XXVII съезда, активно включилась в процесс перестройки общества, стала ее горячим поборником. Деятельная культура предстоит многое пересмотреть, изменить к лучшему и в своей работе, быть на высоте ответственного поручения партии — воспитывать людей